

*229-й Ишимской стрелковой дивизии
второго формирования посвящается*

В Ишиме

Приказ командующего СибВО № 0092 от 12.12.1941 г.: «На основании решения Государственного Комитета Оборона от 22.11.1941 г. сформировать в г. Ишиме Омской области стрелковую дивизию».

Сосны снегом запорошены,
Над землянками шумят.
У девчонок – слёз горошины:
В бор призвали всех ребят.

Здесь дивизию стрелковую
Учат хитростям войны.
И лежит Ишим подковою
В хлопьях снежной тишины.

Ветер треплет кроны хвойные,
Бор Синецынский не спит,
Над рекой стволами стройными
Сосны тянутся в зенит.

Словно высмотреть пытаются
Через горы и леса,
Как защитники сражаются,
Как дымятся небеса.

А мальчишкам восемнадцати –
Девятнадцати годов
Снятся по ночам акации
Да цветение садов.

Им встречаться бы с девчонками
На сторонущке родной...
Только планы перечёркнуты
Разразившейся войной.

Завершаются учения,
Пополненью скоро в бой.
Сосны плачут по-весеннему
Над разлившейся рекой.

На запад

Заключение комиссии СибВО от 28.04.1942 г.:
«Признать части 229-й стрелковой дивизии
подготовленными к боевым действиям и спо-
собными к выполнению приказов Верховного
Главнокомандующего Красной Армии».

*У победы родителей много,
Поражение – всегда сирота.
Эх, дороги, степные дороги,
Вы ведёте куда?*

Сформированы, обучены
Рыть землянки, брать в штыки.
А вчера приказ получен – и
В строй, стрелки!

Сдать учебное оружие!
Эшелон. Прощай, Ишим,
В майском яблоневом кружеве.
Мы – спешим.

Там, за окнами, весенняя
Вширь раскинулась страна.
А на западе — священная
Шла война.

За Уралом путь тревожнее,
Воздух – с запахом беды,
Пробки железнодорожные
И – сады.

Траектория изорвана,
Словно молнии зигзаг:

Балахна, затем – на Сормово,
На Рязань.

Перестук колёсный, кованный...
Путь кончается любой.
Сталинград. Давай, стрелковая,
В первый бой!

Большая излучина

Из донесения комдива Ф.Ф. Сажина: «229 сд
15.07.42 г. начала прибывать и разгружаться в
районе разъезда Панышино, ст. Котлубань».

Из приказа командующего Сталинградским
фронтом: «64-й армии в составе 229, 214, 29,
112 сд... в ночь на 19 июля выйти на фронт
Сурувикино, Нижне-Солоновский, Верхне-
Курмоярская. На этом рубеже закрепить и
жёсткой обороной не допустить прорыва про-
тивника на Сталинград».

*Ах, ковыль, ковыль мягко стелется,
Мягко стелется посреди степи.
Горяча страда, вокруг – ни деревца.
От жары такой в жилах кровь кипит.
А сибирские парни – крепкие,
Парни крепкие по любым статьям.
Кровь горячая – алой меткою,
Алой меткою в море ковыля.*

К дальним подступам. Маршем.
По июльской степи.
Пот течёт в патронташи,
Солнце жжёт и слепит.

Пять рассветов в походе,
Пять закатов в поту –
Шагом мерить повзводно
За верстою версту.

У излучины Дона –
Луком выгнута степь.
Полоса обороны.
Огнемётная цепь.

Ни лесов, ни укрытий,
Только балки в степи.
Танк пылает подбитый
И предсмертно хрипит.

Полыхают посевы,
Затмевая закат.
По натянутым нервам –
Миномётный набат.

И, вгрызаясь в калёный
Сурувикинский дёрн,
Вспомнят парни далёких
Матерей и сестёр.

Вот за них. И за сосны.
За далёкий Ишим –

Этот бой. Смертоносный
Для людей и машин.

Степь от боли корёжит,
И дымится ковыль...

Ветер сосны тревожит...
Пёс дворовый завыл.

Вести-весточки

Сообщение Совинформбюро от 30.06.42 г.:
«В районе юго-западнее Клетской наши части
отбивали атаки немецко-фашистских войск и
на отдельных участках потеснили гитлеровцев.
Несколько танковых групп и два полка пехо-
ты противника атаковали позиции части, где
командиром тов. Сажин. Наши бойцы отбили
эту атаку, уничтожили 9 танков и несколько сот
солдат и офицеров противника».

*А в Ишине всё сосны в бору шумят,
А в Ишине всё матери глаз не мкнут.
Ждут обратно живыми своих ребят.
И девчонки парней из похода ждут.
Треугольники писем прижав к груди,
И невесты, и жёны задержат вдох...
Только выживи... Только назад приди...
Опустел без тебя наш родимый дом.*

Треугольники фронтовые –
Птицы вещие – по домам.
Запах пота, степи, ковыля
Донести до подруг и мам.

Чёрной птицею – похоронка.
Белой горлицей в дом – письмо.
И мечтает опять девчонка,
Вышивая кисет тесьмой.

Бой окончен. Живых – не много...
Невозвратных потерь – не счесть.
Но несёт треугольник строгий
Через время и смерти – весть.

«Здравствуй, милая Руфа!
Шлёт письмо Николай.
Гложет сердце разлука,
Боль течёт через край.
Я солдатским приветом
Шлю тебе поцелуй.
С треугольником этим
У свечи вечеруй.

Вспомни наши прогулки
В звездопадной тиши
По ночным переулкам
Через сонный Ишим.
Ты желанье наивно
Загадала звезде.

Ночи были не длинные,
Блики плыли в воде.

А сейчас между нами
Степь на тысячи вёрст.
В балках воздух ночами
Удушающе-чёрств.
Только знаю я точно,
Что победа близка.
Свежий ветер восточный
Принесёт облака.

Будут яблони цветом
Снова радовать глаз,
Будет солнечным лето
В нашей жизни не раз.
А на этом прощаюсь,
Новой весточки жду
И о встрече мечтаю
Я в победном году».

«Я ждал, как спасения, почты,
Сегодня мечта – сбылась!
В степи, под покровом ночи
Нашла почтальонка нас.
Я счастлив, и мне поверь ты –
Счастливых судьба – хранит!
У сердца – привет в конверте.
Любовь мне сегодня – щит.

Как мало солдату надо,
Чтоб радость в душе взвилась.
В лишениях войны – наградой
Та нить, что связала нас.
Целую твои ладони.
Ну можно ль любить сильней
Глаза, что небес бездонней
И ярче любых огней.

Писать про бои не буду,
Приеду и расскажу.
Я слово «любовь» как чудо,
Как знамя в руках держу.
Лишь с ней я живу и верю,
Лишь с ней сквозь огонь иду.
И только она – есть мера
Терпенья в таком аду».

«Ты напрасно не веришь –
Я вернусь, так и знай!
Пусть в открытые двери
Рвётся яростный май.
Пусть ветра, пусть туманы –
Но с пути не собьюсь.
Через годы и страны
Я, конечно, вернусь.
И прижму прямо к сердцу
Золотую мою.

Звёзды в небе померкнут,
Нам весну разольют.
Буду я любоваться
На рассвете тобой...

Вот пробило двенадцать.
Утром – танковый бой.

Руфа, милая Руфа,
Без тебя жизнь темна.
Пусть сегодня – разруха,
Но окрепнет страна.
Победим лихоимца
И вернёмся домой.
Сын у нас народится,
Сероглазый герой.

А пока что, в разлуке,
Ты себя береги.
Жизнь – прекрасная штука!
Много лет впереди.
Ты для встречи Победы
Рушники расстилай.
Верь, родная, приеду!»
Подпись: «Твой Николай».

В окружении

08.08.1942 г. 17:00. К Калачинскому мосту подошли немецкие танки и открыли огонь по переправе. Противник замкнул кольцо окружения.

09.08.1942 г. радисты 229-й дивизии приняли шифрограмму: «Уничтожить части противника, вышедшие на пути отхода армии, и отходить на восточный берег Дона».

*Ой ты, степь широкая, буйная,
Буйною головушкой да прильну.
Ой ты, речка Чир звонкоструйная,
Ты скажи, кто выдумал ту войну?
А ещё скажи-расскажи ты мне,
Как заря взойдёт завтра без меня?
Ночью степь темна, но тоска темней,
Да шуршит ковыль, мой покой храня.*

Ночь черна –
Чья вина?
Враг кругом.
Взрыв.
Бегом!

Поле – в ад!
Сердце – ввысь!
Эх, солдат,
Ну, держись!

От ракет
Рассвело.
Сколько лет
Вмиг прошло?

Без «Ура!»
На прорыв.
– В бой с утра!
– Есть, комдив!

Был приказ:
Насмерть стой!
Встали враз –
Вечный бой!

Смерть легка.
Трусость – грех!
Дон-река
Примет всех.

Неотправленные письма

10.08.1942 г. Армейские радиостанции непрерывно работают на приём и передачу, но ни одна дивизионная радиостанция не отвечает.

По данным сборно-пересыльного пункта 62-й армии на 20.08.1942 г., из 229-й дивизии всего вышло из окружения 528 человек (на начало боёв в дивизии числилось 11 346 человек).

*Не шуми, ковыль, я слушаю
Шёпот сосен за туманами,
Карасёвый плеск на озере,
Звон сибирских комаров...
Душу слышат только душами.
Нет её у пса незваного.
Утро красит небо розовым...
Напишу, что жив-здоров...*

Два часа до прорыва.
Им бы в балке поспать...
Только сны прихотливы:
Дом, околица, мать...

Пишут перед сраженьем,
Чтобы нервы унять.
Почты нет в окружении,
Не отправить опять...

После, судьбы итожа,
До потомков дойдут
Эти повести тоже
Через множество смут.

«Родные мои,
С фронтовым к вам приветом!
Сегодня бои –
Ни минуточки нету,
Чтоб вам написать
Про бескрайние дали,
Про то, как роса
На ковыль выпадает.

Здесь голая степь,
Ни лесов, ни уступов.
А с воздуха – смерть,
И мы – танкодоступны.
Но враг не пройдёт,
Мы упорные, мама.
Строчит пулемёт
По захватчикам прямо.

Письмо получил,
Но не скоро отвечу.
За речкою Чир
Воздух смешан с картечью.
Нет времени спать,
Бой идёт днём и ночью.
Ни зги не видать,
Но мы держимся прочно.

Ты нынче не жди,
Видно, здесь зазимуюем.
Вот ночь позади.
Поутру атакуем.
Анютке – привет.
Пусть дождётся солдата».
Но адреса – нет.
След от пули. И дата.

«Мне, мама, вчера приснились
Наш бор и сестрица Клаша.
Мы будто бы у старицы
Папаше руками машем,
А он подплывает в лодке,
В корчаге чебак резвится...
Очнулся – в руке пилотка,
За балкой горланят фрицы.

А мне бы до наших сосен
Дотронуться хоть мизинцем...
Пройтись босиком по росам,
Студёной воды напиток...
Горбушку бы хлеба с солью,
Что вынула ты из печи...
Но раны тревожат болью,
А кто мне их здесь залечит?

Санбат разбомбили утром,
Сестрички – в соседней балке.
Нам в ночь – отступить на хутор.
Девчонок так, мама, жалко!
Они ведь совсем пичужки,
А вынесли здесь немало.
Прижались сейчас друг к дружке,
Головки склонив устало...

Смотрю я вокруг и верю:
За всё расквитаюсь с фрицем,
За павших друзей со зверем
Безжалостно буду биться!

Я выстою, я осилю,
Я жилы порву, но сдюжу.
Жила бы моя Россия,
Да был бы я, малый, нужен».

Эпилог

А над степью облака, облака...
И утих вдали неистовый Дон.
Пролетают и года, и века
Над осколками могил и имён.

Только память растревожит порой
И уснуть опять не даст до зари.
Над Калиновской, над братской горой,
Обелиск звездою вечной горит.

Спят мальчишки, так любившие жить,
Вечным сном под тихий плеск ковылей.
К обелиску, чтоб цветы положить,
Я приеду из Сибири моей.

Не бывает безымянных солдат –
Всем с рождения даны имена.
Им, погибшим без чинов и наград,
Только память как награда дана.

А в Ишиме те же сосны шумят,
Что стояли над землянками в ряд,
Те, что видели сибирских ребят
Много зим и много вёсен назад.

Там прозрачный воздух свеж поутру,
Запах хвои – хоть в ладони бери.
Там, в Сеницынском сосновом бору,
Обелиск звездою тоже горит.

Чернобыльником жнивье поросло,
Балки горечью полынной полны.
И стоим у обелисков без слов,
Сердцем впитывая звон тишины.